

К ВОПРОСУ О ХРАМОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

Р. В. Тихонов

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 4 мая 2020 г.

Аннотация: материалы археологических исследований позволяют предположить, что в эллинистический период в Бактрии существовали храмовые объединения. К таковым с определенной долей вероятности следует отнести храмы на городищах Тахти-Сангин, Дильберджин, Джигатепе.

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, храмовые объединения, Тахти-Сангин, Дильберджин, Джигатепе.

Abstract: materials from archaeological research suggest that in the Hellenistic period, temple associations existed in Bactria. These include, with a certain degree of probability, the temples on the sites of Takhti-Sangin, Dilberjin, and Dzhigatapa.

Key words: Bactria, Hellenism, temple associations, Takhti-Sangin, Dilberjin, Dzhigatapa.

Имеющиеся археологические данные позволяют выделить следующие типы поселений в Бактрии эллинистического времени: полис, городской центр, крепость (военная, контролировавшая переправу), фортификационная стена, частная усадьба. Определить статус многих поселений не представляется возможным. Это связано с тем, что, во-первых, материалы археологических исследований не дают убедительных оснований для отнесения того или иного памятника к определенному типу, а во-вторых, древние культурные слои скрыты под толщей более ранних напластований, нередко достигающих нескольких метров.

С определенной долей вероятности можно утверждать, что в структуре эллинистических поселений Бактрии существовали населенные пункты, ядро которых было сформировано вокруг храма. Речь идет о таких городищах, как Джигатепе, Дильберджин и Тахти-Сангин. Первые два располагались в Балхском оазисе, третье было возведено в Вахшской долине.

Дильберджин изучался сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции под общим руководством И. Т. Кругликовой в 1970–1977 гг. Город по периметру был обнесен мощной фортификационной системой, стены которой были 3–4 м толщиной [1, с. 65–72; 2, с. 93].

Градообразующим сооружением эллинистического времени Дильберджина являлся так называемый храм Диоскуров. В процессе его раскопок были выявлены несколько строительных периодов. В самый ранний из них храм представлял собой небольшое сооружение (22 × 16 м) и состоял из центрального и

двух небольших помещений по обеим сторонам от айвана, а также двух удлиненных комнат, расположенных по сторонам от центрального помещения. Древний храм воздвигнут на специально выровненной для этого площадке и был обнесен оградой. Кроме того, к нему примыкала священная площадь – теменос (100 × 140 м), обнесенная пахсовой стеной с башнями. Среди находок из культурного слоя следует отметить бронзовую монету Евтидема, фрагменты керамических сосудов, разнообразные изделия из бронзы, слоновой кости и других материалов [3, с. 6–33].

И. Т. Кругликова полагала, что храм был воздвигнут в эпоху правления греко-бактрийского царя Евкратида. Главным аргументом в пользу данной теории была приведена открытая на фасадной стене храма роспись с изображением Диоскуров, являющихся покровителями Евкратида [там же, с. 6]. Дальнейший анализ настенной росписи показал, что она отражает влияние римской иконографической традиции и датируется I–II вв., а возможно, и II–III вв. [4, р. 44–50].

Какому божеству был посвящен изначальный храм – непонятно. В более позднее время здесь, видимо, отправлялся культ синкретической Афины, вобравшей в себя еще и некоторые черты от Анахиты и Аршти [5, с. 391].

Около западной оборонительной стены было выявлено еще одно святилище, которое так же, как и храм Диоскуров, существовало значительный период времени. В греко-бактрийскую эпоху храм состоял из одного небольшого помещения (12,35 × 6,25 м), вдоль стен которого располагались суфы. К нему примыкали также семь проходных комнат [6, с. 6–17]. Нет особых сомнений в том, что в кушанский период в храме почитался Геракл, о чем свидетельствует находка его статуи [7, с. 77–84].

На кушанскую эпоху приходится подлинный расцвет города. Его площадь составляет не менее 15 га, ремонтируются старые и возводятся новые укрепления, пространство внутри и снаружи стен застраивается жилыми домами, появляются кварталы ремесленников, начинает функционировать буддийский храм, а храм Диоскуров продолжает свое развитие, не раз подвергается определенной перепланировке и, возможно, ремонту, который был вызван вторжением кочевников или другими обстоятельствами [8].

Участники Советско-Афганской археологической экспедиции в 1974, 1976 и 1977 гг. проводили раскопки Джигатепа. Памятник состоит из двух частей: округлое в плане укрепленное городище диаметром 195 м и неукрепленное поселение, которое расположено вокруг городища. Укрепления представлены стеной, имевшей внутреннюю галерею и полукруглые башни. И стена, и башни были снабжены бойницами, расположенными в два ряда. Основным строительным материалом являлась пахса [9].

В процессе раскопок был выявлен достаточно представительный керамический комплекс, найдены монеты, принадлежащие чекану греко-бактрийских царей Евтидема, Антимаха Теоса. Жемчужиной материального комплекса Джигатепа является находка фрагмента терракотовой плиты с греческой надгробной надписью [там же, с. 74–75; 10; 11, с. 483].

Нельзя полностью исключать того факта, что Джигатепа в эллинистический период своего существования представляло собой храмовый комплекс с сельскохозяйственной округой, главная функция которой заключалась в обеспечении его нужд. В то же время отождествление памятника с храмовым комплексом остается лишь гипотезой, поскольку археологические материалы не дают однозначного ответа на данный вопрос [9, с. 88–93].

Систематические исследования на городище Тахти-Сангин проводились с 1975 г. и вплоть до начала распада Советского Союза под общим руководством Б. А. Литвинского. Основные усилия сотрудников Южно-Таджикистанской экспедиции были сконцентрированы на раскопках храма Окса, занимавшего большую часть цитадели города. В результате исследований была полностью выявлена его планировочная структура. Ядром храма являлся четырехколонный центральный (белый) зал, который обрамлялся обходными коридорами. В его композицию были также включены два атешгаха. Перед храмом располагалась священная площадь – теменос с алтарно-башенными помещениями, а у входа был устроен колонный айван. О монументальном характере данного храмового комплекса говорят размеры (около 100 × 100 м) и окружающие его стены, толщина которых достигает 7 м [12, с. 51–134].

Изучавшие храм Окса исследователи разошлись в вопросах его датировки. И. Р. Пичикян полагал, что он был возведен по приказу Александра Македонского. В пользу этого были приведены находки ахеменидского времени и анализ архитектурных составляющих здания храма [13, с. 275]. Б. А. Литвинский же вполне убедительно доказал, что храм Окса возник в Бактрии в эпоху Селевкидов и, вероятно, во время правления Селевка I или его сына Антиоха I [12, с. 367–368].

После относительно непродолжительного перерыва исследования на Тахти-Сангине были продолжены А. П. Дружининой. В данный период работы велись как на территории храма Окса, так и на городище. Полученные материалы позволяют охарактеризовать жилые постройки эллинистического времени. Жилища представлены полуземлянками и наземными сооружениями. Дома состояли из нескольких помещений, стены сложены в разной технике. В качестве строительного материала использовались камни, пахсы и сырцовые блоки. Внутреннее пространство полуземлянок было обработано глиняной обмазкой [14, с. 227; 15, с. 335].

Храмовые объединения на Востоке известны с древности. Достаточно хорошо представлена в источниках структура так называемой гражданско-храмовой общины Иерусалима эпохи господства Ахеменидов. В ее состав входили люди, обладавшие всей полнотой гражданских прав, провозглашалось всеобщее равенство перед законом, и только лишь служители храма занимали более высокое положение в обществе. В общине были свои управляющие, действовало народное собрание, широкими прерогативами обладала храмовая администрация. Подобные объединения имели определенную автономию в составе державы Ахеменидов, но их благополучие и процветание нередко зависело от расположения царя [16].

Храмовые объединения продолжали существовать в различных частях эллинистического мира. Для территории Малой Азии и Армении IV в. до н. э. – III в. н. э. А. Г. Периханян выделила следующие их основные типы: храм – теократическая община, храм в городе и храм царского культа. Они имели обширные земельные владения, а в их подчинении находились деревни и поселения [17, с. 82].

Определенная роль в жизни Понтийского царства принадлежала храмам Восточной Анатолии. Они обладали обширными участками земли, доход с нее шел в казну храма, а жители городов платили в его пользу налоги. В то же время автономия храмов в большей степени была мнимой. Верховным собственником земли в царстве оставался царь, который назначал главных жрецов и наделял их обширными властными полномочиями [18, с. 248–266].

Несколько иное положение было у храмов и храмовых общин государства Атталидов. Немногочисленные эпиграфические материалы позволяют сделать ряд наблюдений относительно статуса и взаимоотношений между храмовыми общинами и царствующей династией. Атталиды имели прочные отношения со многими храмами, дарили им земли, освобождали от некоторых налогов, предоставляли различные льготы общинникам. Имеется также свидетельство о том, что Аттал II назначил Тимарха неокором храма Артемиды в Сардах. В его обязанности входил контроль над деятельностью святилища и его доходами. Пергамские монархи, видимо, предоставляли широкую автономию наиболее популярным святилищам и храмовым общинам, а взамен получали поддержку со стороны жречества и местного населения [19, с. 190–193].

Крупнейшей эллинистической монархией на Востоке, несомненно, являлось царство Селевкидов. С точки зрения своего государственного устройства оно представляло собой достаточно сложный конгломерат, сочетавший в себе различные элементы государственности стран Запада и Востока. В составе его владений находились автономные города и народы, а также области, подчиненные общему режиму управления [20, с. 131].

В Вавилонии эпохи селевкидского господства существовала гражданская община, объединенная вокруг храма. Она имела свое управление и администрацию, а ее члены были связаны с храмом, но при этом не зависели от него. Подобные общины не были замкнутым организмом и включали в свой состав не только местных жителей, но и представителей других народов, в частности греков. Кроме того, она полностью была освобождена от уплаты всевозможных налогов и повинностей в пользу царской казны [21].

Главное отличие вавилонской гражданско-храмовой общины от эллинистического полиса заключалось в том, что в первом случае земля находилась в ее частной собственности, а граждане полиса получали ее лишь во временное пользование и обязаны были нести за это воинскую службу. В то же время гражданско-храмовая община не играла сколько-нибудь существенной роли в политическом устройстве государства Селевкидов, а была своего рода уступкой верхним слоям завоеванных обществ [22, с. 243–248].

Политика Селевкидов по отношению к храмам и храмовым общинам была достаточно осторожной и зависела от нескольких факторов. По мнению ряда исследователей, она не была унифицированной и адаптировалась под конкретную ситуацию. При Селевке I, например, многие храмы вынуждены были платить значительные налоги, что в свою очередь было вызвано потребностью в средствах для ведения войн. Несколько позднее храмы на постоянной осно-

ве получали всевозможные пожертвования и подарки от Селевкидов [23, с. 283–288].

Также следует обратить внимание на то, что Селевкиды были терпеливы к различным религиозным системам. Они, как правило, не запрещали и не преследовали тот или иной культ. Благодаря такой религиозной политике в греческий пантеон проникали и закреплялись в нем чужеземные боги [12, с. 341–342].

О характере и правовом статусе храмовых объединений в эллинистической Бактрии можно лишь судить по весьма ограниченному данным и привлекая аналогии с территориями других государств. Вероятно, что подобные объединения имели определенную автономию в составе Селевкидского, а затем и Греко-Бактрийского царств, а возможно, имели и практически государственный статус [24, с. 132–133].

Наиболее показательным является пример храма Окса. О его определенной автономии в составе государства говорится в следующих примерах. Храм, возведенный при Селевкидах, был посвящен местному и греческому культу. В эллинистическую эпоху не подвергался разорениям, а, наоборот, поддерживался в надлежащем виде и получал не только от государства, но и от частных лиц богатые дары [25; 26].

Жречество храма, вероятно, было представлено как местными жителями, так и греками или эллинизированными гражданами. Вполне возможно, что при храме работали ремесленники, которые обеспечивали не только его нужды, но и выполняли определенные виды работ под заказ. Об их статусе нам ничего не известно, как и о других возможных категориях свободного и зависимого от храма населения.

Можно также лишь предположить, что у храма было достаточное количество земли, которая находилась либо в его частной собственности, либо даровалась на тех или иных условиях правящей династией. В эллинистический и парфянский периоды в Центральной Азии храмы, видимо, владели значительными земельными участками. На Калалы-гыр 2 вскрыты помещения, связанные с храмовым хозяйством. В них приготавливался ритуальный хлеб и напиток, хранились заготовки стеблей соломы [27, с. 85]. В пользу этого также свидетельствуют и документы из Парфии. Здесь в ходе многолетних исследований было обнаружено значительное количество надписей на черепках. В некоторых из них содержатся данные о земельных владениях храмов [28, с. 15–17; 29, с. 145–146].

Очевидно, что храм Окса являлся одним из важнейших святилищ региона. Он был почитаемым местом среди населения, которое нередко одаривало его всевозможными подарками. В последующее время традиция посвящать отдельные предметы храму была продолжена. К рубежу эллинистического и юечжий-

ского периода относится находка на территории храма глиняной формы для отливки бронзового котла с греческой надписью-посвящением [30, с. 117–119]. Ее палеографический анализ и сопутствующие данные показали, что она должна быть датирована второй половиной II – первой половиной I в. до н. э., а посвяtitель уже достаточно плохо владел греческим языком [31, с. 121–125; 32].

Также необходимо указать на то, что специфика источников не позволяет более подробно рассмотреть храмовые объединения в Бактрии эпохи эллинизма. Очевидно, что для решения данного вопроса первостепенное значение имеют и будут иметь материалы, полученные в процессе археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгоруков В. С. Оборонительные сооружения Дильберджина / В. С. Долгоруков // *Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции*. Вып. 3. – М., 1984. – С. 58–92.
2. Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина / Г. А. Пугаченкова // *Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции*. Вып. 3. – М., 1984. – С. 93–111.
3. Кругликова И. Т. Дильберджин. Храм Диоскуров / И. Т. Кругликова. – М., 1986. – 120 с.
4. Lo Muzio C. The Dioscuri at Dilberjin (Northern Afghanistan) : Reviewing their Chronology and Significance / C. Lo Muzio // *Studia Iranica*. – 1999. – №. 1. – P. 41–71.
5. Гаиров В. Г. Диоскуры Дильберджина / В. Г. Гаиров // ПИФК. – 2015. – № 1. – С. 384–402.
6. Кругликова И. Т. Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974–1977 гг. / И. Т. Кругликова // ПИФК. Вып. VII. – М.; Магнитогорск, 1999. – С. 6–60.
7. Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии / Г. А. Пугаченкова // ВДИ. – 1977. – № 2. – С. 77–92.
8. Лившиц В. А. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина / В. А. Лившиц, И. Т. Кругликова // *Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции*. Вып. 2. – М., 1979. – С. 98–112.
9. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) / Г. А. Пугаченкова // *Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции*. Вып. 2. – М., 1979. – С. 63–94.
10. Пίδαев Ш. Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) / Ш. Р. Пίδαев // *Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции*. Вып. 3. – М., 1984. – С. 112–124.
11. Кругликова И. Т. Джигат-тепе / И. Т. Кругликова // ПИФК. Вып. XIV. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2004. – С. 479–561.
12. Литвинский Б. А. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь / Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. – М., 2000. – 503 с.
13. Пичикян И. Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки / И. Р. Пичикян. – М., 1991. – 343 с.
14. Дружинина А. П. Предварительные итоги исследований городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени / А. П. Дружинина // АРТ. Вып. XXIX. – Душанбе, 2004. – С. 224–236.
15. Дружинина А. П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002–2009 гг.) / А. П. Дружинина // АРТ. Вып. XXXV. – Душанбе, 2012. – С. 323–368.
16. Абрамов А. Е. Гражданско-храмовая община как форма существования гражданского общества на древнем Ближнем Востоке / А. Е. Абрамов, Р. С. Багиров // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2015. – № 3. – С. 147–151.
17. Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. – III в. н. э.) / А. Г. Периханян. – М., 1959. – 186 с.
18. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство : государство греков и варваров в Причерноморье / С. Ю. Сапрыкин. – М., 1996. – 348 с.
19. Климов О. Ю. Пергамское царство : проблемы политической истории и государственного устройства / О. Ю. Климов. – СПб., 2010. – 400 с.
20. Бикерман Э. Государство Селевкидов / Э. Бикерман. – М., 1985. – 264 с.
21. Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии / Г. Х. Саркисян // ВДИ. – 1952. – № 1. – С. 68–83.
22. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке / Г. А. Кошеленко. – М., 1979. – 294 с.
23. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество) / С. В. Смирнов. – М., 2013. – 344 с.
24. Кошеленко Г. А. Археология Афганистана в дни мира и дни войн / Г. А. Кошеленко, Р. М. Мунчаев, В. А. Гаиров. – М., 2014. – 164 с.
25. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) : в 3 т. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте / Б. А. Литвинский. – М., 2001. – 528 с.
26. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) : в 3 т. Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты / Б. А. Литвинский. – М., 2010. – 664 с.
27. Вайнберг Б. И. Основные итоги раскопок на Калалы-гыр 2 / Б. И. Вайнберг // *Калалы-гыр 2 : Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э.* – М., 2004. – С. 12–92.
28. Дьяконов И. М. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы / И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. – М., 1960. – 120 с.
29. Diakonoff I. M. Parthian Economic Documents from Nisa / I. M. Diakonoff, V. A. Livshits. – London, 2001. – 215 p.

30. Дружинина А. П. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храма № 17 и № 18 / А. П. Дружинина, Т. У. Худжагелдиев // АРТ. Вып. XXXIII. – Душанбе, 2009. – С. 107–136.

31. Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности / А. И. Иванчик // ВДИ. – 2011. – № 4. – С. 110–131.

32. *Ivantchik A. I. New Greek Inscriptions from Takhti Sangin and the Question as to the Emergence of the Bactrian Written Language / A. I. Ivantchik // Bulletin of Miho Museum. – 2011. – № 11. – P. 59–86.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРТ – Археологические работы в Таджикистане

ВДИ – Вестник древней истории

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

*Тихонов Р. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия
E-mail: 478042316789@mail.ru*

*Yelets State University named after I. A. Bunin
Tikhonov R. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Historical and Cultural Heritage
E-mail: 478042316789@mail.ru*